

А. М. Колосовский

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ И МЕХАНИЗМАХ САМОРАЗВИТИЯ ПРИМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Рассматриваются источники и механизмы экономического саморазвития приморских приграничных территорий. На примере Калининградской области показано, что основным движущим внутренним фактором развития хозяйства региона является предпринимательство, функционирующее на основе генетико-культурной детерминации. Сделан вывод о том, что продуктивная региональная экономическая политика, направленная на повышение конкурентоспособности региона, должна опираться на первоочередное развитие интеллектуального капитала и связанного с ним человеческого капитала, на возрождение и усиление хозяйственной роли технократии, малого инновационного предпринимательства.

This article analyses the sources and mechanisms of economic self-development of coastal border territories. The example of the Kaliningrad region proves that the main internal catalyst of regional economic development is entrepreneurship functioning on the basis of genetic-cultural determination. The author comes to the conclusion that an efficient regional economic policy aimed at the increase in the region's competitiveness should rest, first of all, on the development of intellectual capital and the corresponding human capital, the revival and strengthening of the economic role of technocracy and small innovative enterprises.

Ключевые слова: саморазвитие, приморская приграничная территория, генетико-культурная детерминация, региональная конкуренция, интеллектуальный капитал, человеческий капитал, инновационное предпринимательство.

Key words: self-development, coastal border area, genetic-cultural determination, region's competitiveness, intellectual capital, human capital, innovative entrepreneurship.

Значение приморских территорий в развитии страны трудно переоценить. Многие исследователи, говоря о значении мирового океана в развитии человеческой цивилизации (например, Г. Г. Гогоберидзе [1, с. 5–6]), указывают, что XXI век станет веком освоения океана. Следует согласиться с его мнением, что нынешний уровень освоения Мирового океана настолько мал, человеческая деятельность там настолько незрима, а уровень его потенциала настолько велик, что не следует опасаться столкновения (особенно выраженного в крайней, военной, агрессивной форме) между странами, другими словами, гнаться за наращиванием военно-морской компоненты. Здесь следует добавить, что само по себе усиление роли государства в современном мире, в том числе в морехозяйственной деятельности, не всеми авторами воспринимается однозначно. Например, А. М. Коновалов и др. [2, с. 262], понимают усиление государственного присутствия в морской деятельности прежде всего как силовой фактор. Ни в коей мере

не оспаривая такой подход авторов к роли современного государства (охранная функция государства), следует сказать, что имеются и другие, менее традиционные подходы к усилению государственного присутствия в морской деятельности. Речь идет об организации инновационного пути развития приморской территории.

Участки суши, омываемые морями и океанами, объективно являясь внешними границами, соединяющими внутренние, глубинные территории страны с мировым сообществом, выступают естественными проводниками ее хозяйственного развития. Например, В.В. Ивченко прямо выделяет морские выходы в океаны среди потенциальных конкурентных преимуществ страны (наряду с энергетическими, ресурсными, инновационными и интеллектуальными) [3, с. 5]. Совершенно очевидно, что при наличии развитого портового хозяйства и морского транспорта, приморские регионы страны потенциально способны связать материковую часть стран практически со всем мировым сообществом. Как представляется, в этом и состоит основное их предназначение. Однако не столь очевидным является механизм развития и функционирования хозяйства приморских регионов. На взгляд автора, квинтэссенция состоит не только в особом экономико-географическом положении, обеспечивающем поток товаров, услуг, человеческого капитала, инноваций, институтов и пр., но и в особой генетико-культурной детерминации этногенеза. Это обстоятельство, по мнению автора, особым образом влияет на формирование местного этноса [4, с. 439]. Здесь, возможно, происходят процессы, аналогичные описанным Ф. Фукуямой [5, с. 222]. А именно речь идет о способности человека как биологического вида к кооперации, к сотрудничеству, за что его в конечном счете эволюция выгодно и выделила среди других гоминидов. Причем эта способность, как доказывают биологи [6, р. 67–68], является не воспитуемой, не культурно приобретаемой, а уже встроенной в мозг человека. Таким образом, наша потребность к общению, к коммуникациям, минуя всяческие границы, является генетической, заложенной эволюцией, природой. Возможности же приморской территории таковы, что они объективно способствуют этому общению, т.е. развитию человеческой цивилизации. Причем к средствам общения людей можно отнести такие институты, как торговлю, бизнес, транспорт, средства связи, язык, информацию, денежные потоки и т.д. Другими словами, все, что соединяет людей, а не разобщает их. В таком контексте нужно только приветствовать процесс глобализации, соединяющий в единое целое страны и их хозяйства, народы и отдельных индивидов, несмотря на явные проблемы, возникающие у человечества в связи с этим всемирным процессом. Таким образом, приморские регионы дают высочайший потенциал общения, интеграции страны в мировое сообщество. Приморские регионы, а тем более приграничные приморские территории, в противовес глубинных, внутренних («закрытых») регионов объективно более открыты для проникновения новых идей, знаний. Население приморских регионов и в генетическом, и в культурном отношении более восприимчиво к

инновациям. Тем более этот тезис справедлив для авангарда экономики приморского региона — предпринимательства.

Г. Г. Гогоберидзе называет несколько признаков уровня социально-экономического развития приморской территории [1, с. 41 — 42]: величина валового продукта (национального, регионального и т. д.); величина привлеченных инвестиций; величина импорта и экспорт приморской территории; величина внешнего долга; величина экономического роста.

Однако в условиях мирового финансового кризиса, общей неустойчивости мирового и национальных хозяйств к вышеуказанным признакам следует добавить еще один, характеризующий способность территории к саморазвитию, в основе которой, например, по мнению Н. П. Гибало и др. [7], лежит функционирование института собственности. Как считает Н. Л. Маренков [8, с. 207], источником саморазвития территории являются инновационные производственные процессы экономических субъектов в условиях рыночных отношений и внедрения инноваций. Вводится такой фактор, как «повышение интеллектуальной деятельности» [8, с. 195 — 196] личности, причем начиная с дошкольного воспитания. По сути, речь идет о формировании фигуры инноватора, который в обозримом будущем будет определять не только инновационный потенциал страны, но и его практическое использование. Однако не все так просто складывается в деле инновационного развития России. Инновационный процесс сталкивается с трудностями, которые ему приходится преодолевать. В частности, фигура инноватора, которой, по определению Й. Шумпетера [9], является предприниматель, сталкивается с давлением на него чиновничества. Это не новая проблема для России. Теоретические аспекты этих взаимоотношений рассматриваются, в частности, в ракурсе общих проблем капитализации в стране.

Какие же здесь могут быть подходы к решению обозначенной проблемы? Вопрос главным образом состоит в том, если государство является основным актором реформ, особенно если учитывать российский менталитет и традиционно зачаточное состояние гражданского общества, то сколько должно быть государств, чтобы обеспечить успешное, динамичное движение по пути институциональных преобразований? Тот же Фрэнсис Фукуяма дает такой ответ: национальное государство должно быть прежде всего эффективным, т. е. сильным и успешным, нежели слабым и большим [10, с. 200].

Такие подходы предоставляет очень популярная сейчас теория поведенческой, или бихевиоральной (Behavioral Economics), экономики. В частности, установлено, что якобы иррациональное поведение отнюдь не хаотично. На самом деле оно подчиняется определенным моделям и потому вполне предсказуемо, во всяком случае в статистических терминах. Такой точки зрения, в частности, придерживается Дэн Ариели, профессор поведенческой экономики в Массачусетском технологическом институте в Кембридже (Massachusetts Institute of Technology) в своей книге «Предсказуемо иррационален: Скрытые силы, влияющие на наши решения» [11]. Появились и отечественные

публикации в духе теории поведенческой экономики, например работы Автономова [12], Корниловой [13, с.47–52], Ларичева [14, с. 49–52] Павлова [15].

Отдельного внимания, на взгляд автора, заслуживает так называемая теория перспектив (Prospect theory) известных израильских ученых, когнитивных психологов Дэниэла Канемана и Амоса Тверски. С одной стороны, она предельно откровенно включает в экономическую науку новейшие результаты исследований психологов, демонстрируя тем самым дальнейший путь развития теории выбора. С другой стороны, это стало ярким примером плодотворного использования результатов работы психологов в экономике [16]. Возможно, одна из причин успеха статьи Д. Канемана и А. Тверски состоит в умении авторов говорить просто о сложном. Кажущаяся простота изложения авторами основных положений своей статьи, не требующая, как шутят многие ученые, ничего, кроме знания четырех элементарных арифметических действий (сложения, вычитания, умножения и деления) [17], множат число сторонников новой теории.

Таким образом, мы видим, какого успеха можно достичь на стыке наук, в данном случае экономики и психологии. В связи с вышесказанным, на взгляд автора, применительно к российской действительности целесообразно говорить о такой вариативной форме поведенческой экономической теории, как «ментально-историческая экономика», которая бы объясняла и, главное, прогнозировала хозяйственный процесс с точки зрения историко-культурных и социально-психологических аспектов поведения, свойственных российскому народу, присущих его особенной цивилизации. Подобный методологический подход мог бы очень многое объяснить и, главное, прогнозировать, опираясь прежде всего на национальную ментальность русского народа, совсем недавно вместе с другими народами России и стран СНГ вышедшего из советского общества. Дело в том, что слабое место поведенческих моделей традиционной экономики состоит в том, что они пренебрегают, как уже указывал автор, социальной и биологической природой человека. Мы живем не только в мире рыночных отношений, но и в мире социально-психологических норм, а между теми и другими возможны несоответствия и даже конфликты. Приводят они к тому, что классические экономические модели оказываются не только неточными, не полными, но и не адекватными по отношению к реальности.

Пример достаточно стандартного подхода проявляется в унитарной политике федерального центра по отношению к довольно разнообразным регионам географически протяженной страны. Проблема любого периферийного региона – его недостаточное развитие в сравнении с центром страны, его столицей. Особенно явствен-

но это обстоятельство проявляется в низком инновационном уровне периферийных регионов. Эта проблема характерна, однако, и для экономики всей страны. Между тем совершенно неоспорим факт, что именно высшие деятели российского государства в лице президента и премьер-министра обозначили проблему неинновационности, неконкурентоспособности российской экономики [18]. Это означает, что вопрос решительной антикоррупционной реформы поставлен во главу угла наиболее актуальных политических проблем современной России. Хочется верить, что антикоррупционное развитие государства, всего общества, понимаемое как острая политическая необходимость, как условие выживания страны в условиях жесткой межстрановой конкуренции, в конечном счете получит серьезный вектор будущего развития.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере развития российского малого предпринимательства. По данным Независимого института социальной политики [19], в подавляющем большинстве регионов России легальный малый бизнес остается слаборазвитым ввиду действия объективных барьеров развития, среди которых наиболее существенное влияние оказывают институциональные. Среди них есть не только общие для всей страны, но и дифференцированные по регионам. Таким образом, численность малых предприятий и уровень занятости в малом бизнесе могут служить индикаторами предпринимательского климата, показателем динамики развития хозяйства региона. Понятно, что лидирующее положение занимают федеральные города с быстро растущим сектором услуг. Однако нам интереснее обычные, даже периферийные субъекты (например, Калининградская область). Географический фактор оказывается доминирующим для субъектов РФ с более развитым малым предпринимательством (рис. 1). Например, это наличие или соседство крупнейших городов (Московская, Ленинградская, Самарская, Нижегородская области) или приморско-приграничное положение с особым хозяйственным режимом и окружением ЕС (Калининградская область). На развитие влияют и другие институциональные факторы, например более благоприятный предпринимательский климат (Томская область). Одной из существенных причин слабого развития малого бизнеса в периферийных и глубинных регионах (особенно для ресурсно-экспортных регионов) являются альтернативные возможности трудоустройства в добывающих отраслях экономики с высокой оплатой труда.

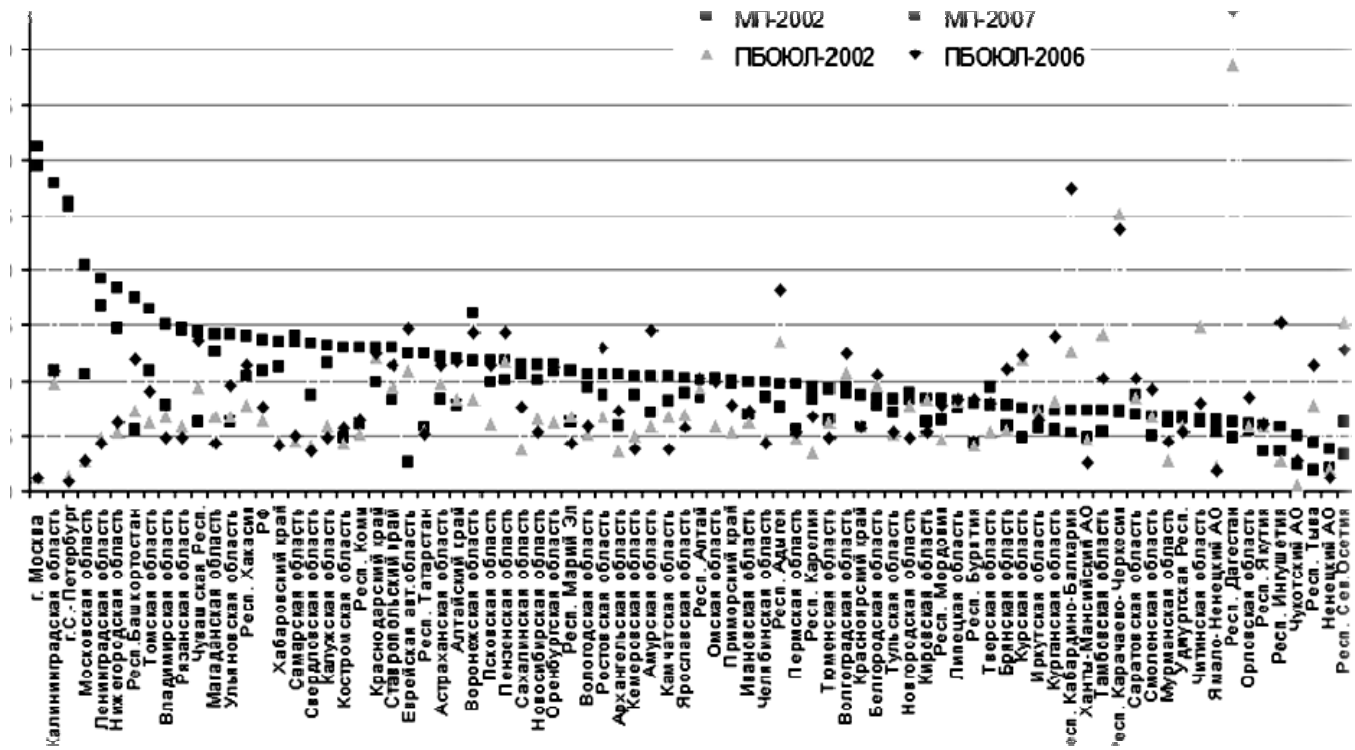

Рис. 1. Доля занятых в малом бизнесе от среднесписочной численности занятых в экономике в 2002 и 2007 гг.,% [19]

В малоосвоенных северных регионах численность малых предприятий минимальна, причем независимо от уровня экономического развития. Как в слабо развитых Корякском и Эвенкийском АО, так и на Чукотке и в богатых нефтегазодобывающих тюменских округах доля малых предприятий не превышает 3 %. Низка доля индивидуальных предприятий также в крупнейших агломерациях с наиболее развитым малым бизнесом, зарегистрированным в качестве юридического лица.

Таким образом, вряд ли закономерно рассматривать развитие малого бизнеса как приоритетное направление для всех регионов России, исходя из доминирующих факторов и сложившейся его географии. Даже при условии снижения институциональных барьеров (что происходит с трудом) занятость в нем будет различаться по регионам по объективным причинам.

На представленной географии малого бизнеса в Российской Федерации проявляется следующая тенденция, которую можно проиллюстрировать на примере Калининградской области. Для периферийных регионов, не наделенных значительными природными ресурсами, развитие малого бизнеса становится существенной альтернативой индустриальной, особенно природозатратной, экономике. Из рассмотренного статистического обзора вытекает важнейший вывод: дальнейшее экономическое развитие территории является весьма проблематичным, если не обеспечивается следующая иерархия ценностей: в первую очередь обеспечивается развитие интеллектуального капитала, во вторую — развитие человеческого капитала и в последнюю — основного капитала.

Степень и динамику развития человеческого капитала в регионах можно проиллюстрировать, рассчитав соотношения показателя человеческого потенциала и индекса физического объема инвестиций в основной капитал (ИРЧП/ ИФОИОК) по субъектам Федерации и по РФ в целом (рис. 2). Возьмем для расчета вышеуказанные показатели четырех приморских приграничных субъекта — Калининградской области, Краснодарского края, Мурманской области и Приморского края. Для сравнения используем соответствующие статистические данные по Москве и РФ в целом.

Методика расчета. За основу взята методика расчета ИРЧП Независимого института социальной политики. При этом использованы данные ИРЧК по пяти субъектам РФ (четыре субъекта — морские приграничные регионы, пятый — Москва) и РФ в целом. Кроме того, учитывались данные Российского статистического ежегодника [20] за 2008 г. по ИФОИОК по пяти субъектам РФ в 2007 г. (в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году).

Итоговый показатель соотношения, изображенный на диаграмме (рис. 3), получен путем деления соответствующего ИРЧП на ИФОИОК для каждого субъекта и по РФ.

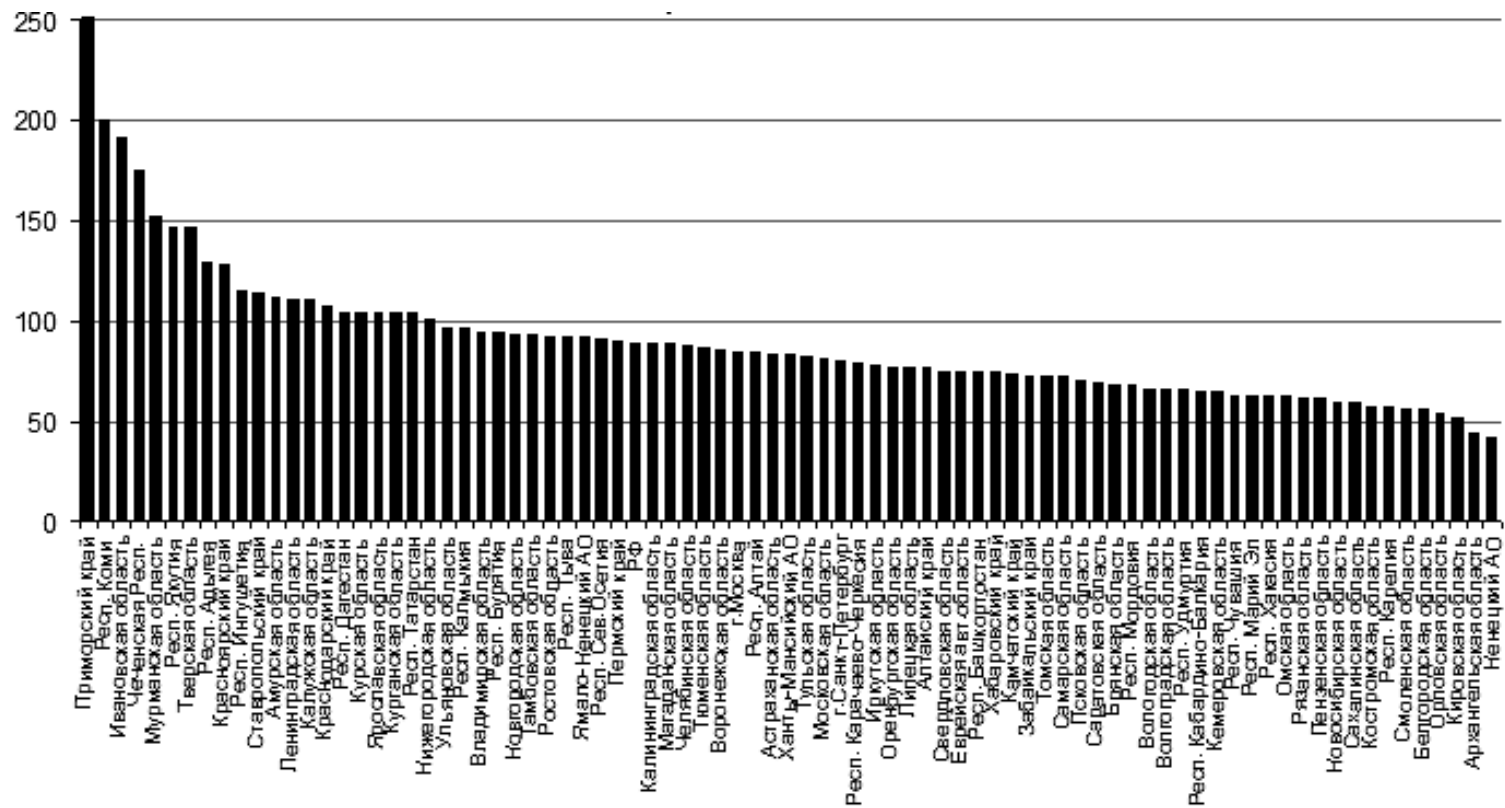

Рис. 2. Инвестиции в основной капитал в сопоставимых ценах, январь-июль 2009 г. к январю-июлю 2008 г., % [19]

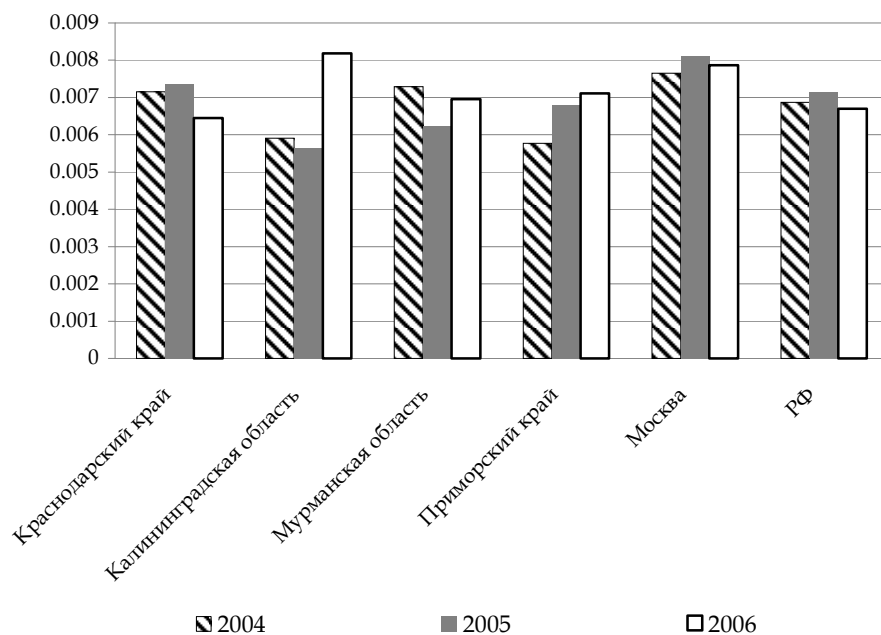

Рис. 3. Расчет соотношения показателя человеческого потенциала и индекса физического объема инвестиций в основной капитал (ИРЧП/ ИФОИОК) по пяти субъектам и РФ

Интерпретация полученных результатов. Более низкие показатели соотношения (ИРЧП/ ИФОИОК) за 2004–2005 гг. по Калининградской области объясняются существенным бюджетным финансированием ФЦП по развитию Калининградской области в связи с подготовкой к 750-летнему юбилею Кёнигсберга-Калининграда. В 2006 г. этот финансовый поток иссяк, поэтому диаграмма показала существенный прирост показателя в пользу ИРЧП. Очевидно, что соотношение для Москвы демонстрирует опережающее развитие ИРЧП по отношению к инвестициям в основной капитал и по соответствующим показателям для остальных четырех субъектов РФ. Анализ диаграммы также показывает, что итоговые показатели по остальным трем российским приморским регионам незначительно отстают от аналогичных показателей для Москвы и по двум субъектам практически совпадают с показателями для РФ в целом (Приморский и Краснодарский край). Это говорит о том, что для развития человеческого капитала и основного капитала используются разные по природе сферы: для первого – сфера человека (образование, культура, здравоохранение), для второго – капиталовложения в производство и эксплуатацию средств производства. Сфера интеллектуального капитала занимает промежуточное положение между основным и человеческим видами капитала.

Становится очевидным, что современная региональная экономическая политика может быть успешной только в том случае, если она нацелена прежде всего на сферу человека (интеллектуального и человеческого капитала). На примере Калининградской области, являющейся и приморской и приграничной одновременно, проанализируем, как обстоит дело с развитием социальной сферы. На фоне достаточно благополучного положения с инвестициями в основной капитал (рис. 2) индекс развития человеческого капитала оставляет желать лучшего. Интегральные индексы таковы: низкие доходы в легальной экономике и отставание по показателям долголетия и образования «отбрасывают» Калининградскую область в число аутсайдеров по индексу развития человеческого потенциала (рис. 4). В 2002 г. она занимала лишь 75-е место в рейтинге регионов (с учетом автономных округов), еще более ухудшив свои позиции по сравнению с 2001 г. (67-е место). Заниженные доходы и завышенные показатели бедности также негативно влияют на положение области в рейтинге индекса качества жизни (67-е место в 2003 г.).

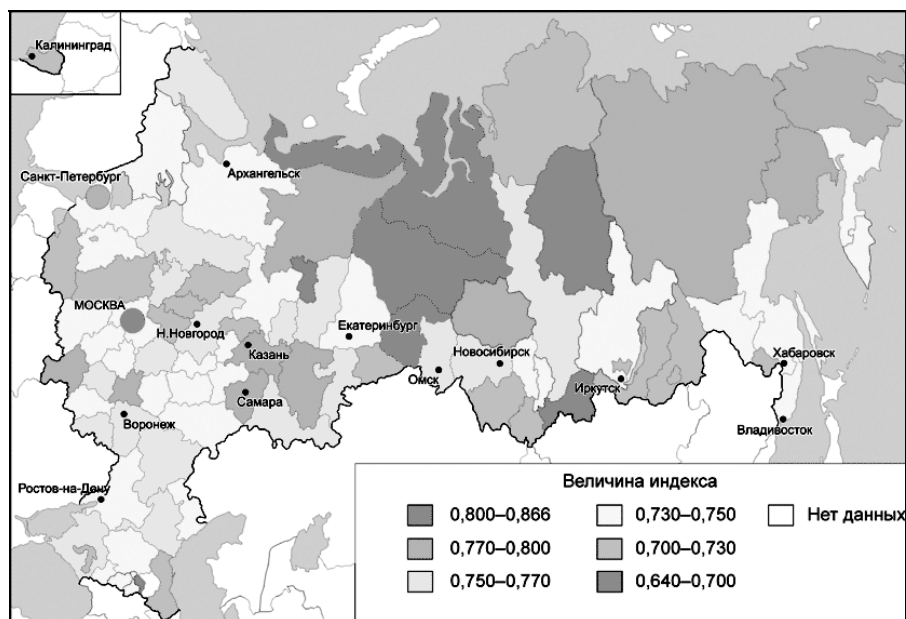

Рис. 4. Индекс развития человеческого потенциала, 2002 г. [19].

Детально рассмотрев предмет исследования, вернемся к теме, обозначенной в заглавии статьи, и рассмотрим особенности развития хозяйства на приморских территориях. Основные проблемы в принципе не отличаются от подобных же проблем, характерных для малого и среднего бизнеса в материковой части страны. Главное же отличие приграничных, и особенно приморских, территорий состоит в открытости бизнес-сообщества потоку инноваций, институтов, приходящему извне, в соответствии с механизмом диффузии институтов и инноваций, предложенным автором в монографии [21, с. 126–138].

Рассмотрев основные внешние условия существования малого и среднего бизнеса, формирующиеся во внешней среде, прежде всего политико-экономической, дополним рассмотрением технологических факторов.

Например, очень актуальны подходы по оценке происходящих явлений, связанных с мировым финансовым кризисом и влиянием его на экономики государств. В частности, такие подходы представлены в трудах академика С.Ю. Глазьева. Согласно его докладу [22], события, связанные с мировым финансовым кризисом, можно адекватно интерпретировать началом перехода к новому (VI) технологическому укладу. Так, например, «в настоящее время, как следует из сложившегося ритма долгосрочного технико-экономического развития, этот технологический уклад близок к пределам своего роста – всплеск и падение цен на энергоносители, мировой финансовый кризис – верные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего технологического уклада и начала структурной перестройки экономики на основе следующего. Сегодня формируется воспроизводственная система нового, шестого технологического уклада, становление и рост которого будет определять глобальное экономическое развитие в ближайшие два-три десятилетия».

Подведем итоги. По мнению автора, выходом из сложившейся ситуации для развития регионов России могло бы стать движение, инициированное политической элитой общества, направленное на первоочередное развитие интеллектуального капитала и связанного с ним человеческого капитала (как биологического носителя), на возрождение хозяйственной роли технократии, инновационного предпринимательства. В приморских приграничных регионах, являющихся морскими воротами страны, своеобразными проводниками потока инноваций и институтов такая институциональная политика, поддержанная федеральным центром, могла бы принести ощутимый и быстрый экономический (и не только) эффект. В интересах правящей элиты, кровно заинтересованной в переходе страны с сырьевого на инновационный путь развития, к высококонкурентному состоянию экономики, проводить продуманную политику, нацеленную на формирование постиндустриального информационного общества знаний, развивающегося в гармонии с природой.

Список литературы

1. Гогоберидзе Г.Г. Комплексное региональное приморских территорий Мирового океана: монография. СПб., 2007.
2. Коновалов А.М. и др. Подходы к стратегическому прогнозированию / под ред. проф. Г.К. Войтоловского. М., 2008. Вып. 16. (Сер. «Теория и практика морской деятельности».)
3. Ивченко В.В. Сетевое программирование развития приморских регионов России: Теория, методология, практика: монография. Калининград, 2008.
4. Колосовский А.М. Моделирование экономического развития особого субъекта России: монография. Калининград, 2006.
5. Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с англ.; под общ. ред. А.В. Александровой. М., 2008.
6. Kuper A. The Chosen Primate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993.
7. Гибало Н.П. и др. Отношения собственности – экономические интересы – институт страхования. Кострома, 2005.
8. Маренков Н.Л. Методология создания инфраструктуры рынка инноваций в России. М., 2005.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.
10. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. М., 2007.
11. Ariely Dan. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions). Harper Collins Publishing House, 2008.
12. Автономов В.С. История экономических учений / под ред. В.С. Автономова. М., 2000.
13. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М., 2003.
14. Ларичев О.И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах. М., 2000.
15. Павлов И.А. Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованию человеческого поведения (научный доклад). М., 2007.
16. Soupe T. Revealed Performances. Worldwide Ranking of Economists and Economics Departments (1969–2000) // University Libre de Bruxelles. Preliminary version, 2002.
17. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. March, 1979. Vol. 47, N 2. P. 263–292.
18. Медведев Д.А. «Россия, вперед!» Газета.ru [сайт]. URL: http://www.gazeta.ru/.../10_a_3258568.shtml. (дата обращения: 10.09.09).
19. Атлас социальной политики. Независимый институт социальной политики. URL: http://atlas.socpol.ru/print.asp?f=/overviews/labor_market/index.shtml.
20. Российский статистический ежегодник, 2008. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm.
21. Колосовский А.М. Экономика особого субъекта России: монография. Калининград, 2007.
22. Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. Научный доклад от 24 декабря 2008г. URL: www.glazev.ru.

Об авторе

А.М. Колосовский – канд. техн. наук, доц., докторант РГУ им. И. Канта, Andrei_kolosovsky@pochta.ru.

Author

Dr. A. Kolosovsky, Associate Professor, Corresponding Fellow of the RANS, post-doctoral student at the Department of Management, IKSUR, Andrei_kolosovsky@pochta.ru